

Глава 3. ПЕТРОВСКАЯ ПСЕВДОМОДЕРНИЗАЦИЯ; ПОСЛЕДУЮЩИЕ НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (ВЕК 18-ЫЙ).

Оно дело - реальный исторический смысл явлений, другое - их превратное отображение в общественном сознании. Историческая легенда о Петре I как о великом преобразователе, дальновидном и мудром политике, якобы положившем начало восхождению России к лучезарным вершинам прогресса, чуть ли не первом «царе-демократе» и т. п. принадлежит к числу наиболее широко распространенных и устойчивых ложных стереотипов общественного сознания. Его разделяли и разделяют как «западники», так и «патриоты», как «державники», так и «либералы», и «правые», и «левые», и «центристы» всевозможных разновидностей. Этот стереотип живет как в обыденном, так и в научном сознании. Его не избежали и иностранные ученые и наблюдатели.

Впечатляет также его долговременность: это не «мотыльковая» по времени жизни сталинская идеализация Грозного. Идеализированно-умилительный образ Петра пережил не только века, но и революции. Его славили при царях и при большевиках, славят и сейчас.

В усыпальнице Петропавловского собора гробница Петра I занимает явно «привилегированное» положение. В советские времена к ней, единственной, можно было свободно подойти. Около нее постоянно стояли купленные на казенный счет цветы. (Обычно такого официального попечительства удостоивались тогда только памятники «отцам -основателям», некоторым избранным деятелям революционного периода и наиболее посещаемые могилы военного времени.) Так что сам факт особого почитания Петра весьма знаменателен и должен стимулировать мысль людей, размышляющих о путях и смысле нашего политического развития.

Кульτ Петра распространен очень широко. Во всех местах, где он бывал или хотя бы проезжал, от Архангельска до Таганрога, обязательно существуют легенды, связывающие с

распоряжениями и поступками Петра ключевые моменты истории данного города. Массовое сознание воспринимает (а следовательно, и реконструирует) историю в соответствии с нашим обычным трафаретом: «Доселе был мрак, затем пришел Основоположник, узрел, повелел, и все изменилось».

Любопытно, что почтительно-благоговейное отношение к Петру ничуть не меньше распространено среди образованных слоев общества, которые в целом более скептически относятся к возвеличиванию всевозможных политических «идолов». Негативная же оценка Петра отождествлялась и отождествляется либо с крайним ретроградством, либо с антипатриотизмом. Словом, «против канонизированного героя могут выступать только враги, внутренние или внешние».

Однако на самом деле в числе критиков Петра I есть люди и совсем иного типа. Вспомним хотя бы отношение к нему княгини Е.Р. Дашковой, которую даже при желании нельзя отнести ни к консерваторам, ни к антипатриотам. Она писала о Петре в своих мемуарах: «Жестокий и грубый, он все, что было подчинено его власти, топтал без различия как рабов, рожденных для страданий. Если бы он обладал умом великого законодателя, он, по примеру других народов, предоставил бы промышленным силам, правильной реформе времени постепенно привести нас к тем улучшениям, которые он вызвал насилием... Как рабы, так и владельцы их в равной степени были жертвой его необузданной тирании» 1). За ужасом пушкинского Евгения перед преследовавшим его и грозившим растоптать Медным всадником тоже стоит далекое от канонов отношение к «преобразователю» со стороны отнюдь не ретроградных кругов общества.

Весьма любопытную позицию по отношению к Петру занимает Ключевский. В общих фразах и оценках он не идет вразрез с традицией и как будто поддерживает официальную позицию преклонения, воздавая Петру все полагающиеся ему «по чину» хвалы и произнося все обычные эпитеты - «Великий, преобразователь, счастливое сочетание талантов», - постоянно говорит о «петровской реформе» и пр. Но в конкретном анализе деятельности и личности Петра Ключевский, по существу, опровергает собственные высокие оценки и рисует образ, не только

мало располагающий к преклонению, но вызывающий скорее обратные мысли и чувства.

По своему обыкновению, Ключевский уделяет значительное внимание описанию личности Петра и окружающей его среды. Сугубо теоретический, абстрактный социально-политический и экономический анализ сочетается у него с сочными описаниями быта и психологии людей, с немногочисленными, но очень содержательными зарисовками конкретных событий и поведения отдельных лиц. Со страниц его исследований встают живые люди с добродетелями и недостатками. Таким мы видим и Петра с его окружением в разные периоды жизни - от детства и до последних лет. И производят они весьма неприглядное впечатление.

Во времена детства и отрочества Петра главным фактором московской политической жизни было ожесточенное соперничество за власть двух кланов - Милославских и Нарышкиных. Притязания этих российских «монтекки и капулетти» основывались на том, что царь Алексей был женат два раза и в обоих браках имел детей. В своей борьбе они не брезговали никакими средствами, и их кровавые столкновения, во время которых стрельцы поднимали на копья петровских дядьев и свояков, были, вероятно, самыми сильными детскими впечатлениями царевича. Неполных шестнадцати лет Петр женился, и в драку за «жирный кусок» включился третий клан - Лопухины. «В этом придворном обществе напрасно искать деления на партии старую и новую, консервативную и прогрессивную: боролись дикие инстинкты и нравы, а не идеи и направления» 2).

В процессе обучения Петр также не мог почерпнуть какие-либо нравственные принципы. Образование его носило почти исключительно техническую или, выражаясь современным языком, «инженерно-прикладную» направленность. Рано приобщившись к заморским техническим диковинам, прежде всего к всевозможному военному оборудованию, свои политические и этические представления Петр сформировал исключительно под воздействием окружавшей его безобразной политической действительности. «Понятия и наклонности Петра получили крайне одностороннее направление ... солдаты, пушки,

фортеции, корабли заняли в его уме место людей, политических учреждений, народных нужд, гражданских отношений. Необходимая для каждого мыслящего человека область понятий об обществе и общественных обязанностях, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшенным углом в духовном хозяйстве Петра» 3) «В Петре выростал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек» 4). Иными словами, моральная ущербность была заложена в Петре еще в ранние годы.

Это, видимо, немало повлияло на развитие такой черты его характера, как жестокость, которой Петр отличался с самой юности, что отчетливо видно в характере его забав, всего быта его «потешного двора» в Преображенском, да и вообще в его отношении к окружающим. Чужая человеческая жизнь, не говоря уж о таких более тонких вещах, как человеческое достоинство, не имела для него никакой цены. В Петре можно наблюдать, пожалуй, один из наиболее ярких образцов отношения к человеку только как к средству для достижения целей, поскольку он достиг совершенства в искусстве извлекать из людей весь их потенциал, нисколько при этом не думая об их судьбах.

В целом характер Петра - деятельный, любознательный, беспорядочный, предельно грубый и деспотичный - хорошо проступает в самом стиле его жизни. Всю свою жизнь Петр куда-то ехал, что-то мастерил, строил, с кем-то воевал, кого-то наказывал, с кем-то расправлялся. О многом говорит и стиль его поведения за границей, в котором активная познавательная ориентация, установка на всемерное заимствование чужого опыта сочетались с полнейшим презрением к образу жизни и мыслей хозяев, к простым приличиям, с самым махровым хамством. Приведем один пример. Дом, предоставленный Петру со свитой по приказу английского короля во время его пребывания в Англии, после трехмесячного их проживания был загажен до последней степени, что явствует из описи повреждений: «... полы и стены были заплеваны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах порваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там

маршировал целый полк в железных сапогах» 5). Даже если предположить возможность некоторых намеренных преувеличений масштаба нанесенного ущерба, то все равно впечатляет. Что уж говорить о домашних развлечениях, в которых тяжеловесная, принудительная разухабистость и непристойность облекались в шутовские канцелярские формы! Чего стоит хотя бы «всешутейший и всепьянейший собор» - коллегия пьянства со своим уставом, «конклавом 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов, носивших прозвища, которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати!» 6)

Кстати, в этих попойках не считало для себя зазорным принимать участие и настоящее духовенство.

Любопытно, что по своему духу, характеру и даже по конкретным шуткам с этими «штатными» увеселениями очень сходны пирушки «вождей» на сталинской даче, как их описывает С. Аллилуева. На них похабщина тоже облекалась в канцелярско-бюрократические формы. Так что историческую преемственность можно иногда наблюдать не только в сути процессов и даже не только в их формах, но и в некоторых мелочах.

И еще некоторые соображения в связи с «эмбриональным» периодом жизни Петра в Преображенском. Обычно, сопоставляя его с последующей деятельностью Петра, охотно рассуждают на тему о том, как из петровских преображенцев в дальнейшем выросла непобедимая армия. Гораздо реже обращают внимание на то, что в игрушечном, «модельном» дворе юного царя важное место занимал прообраз министерства политической полиции - учреждения, солитерообразное развитие которого с тех пор на Руси уже почти не прекращалось. Этим карликовым, но уже имевшим все основные органы, прообразом был Преображенский приказ с его розыскной агентурой, следственной канцелярией и пыточным застенком, где Петр не только участвовал в допросах, но и собственноручно рубил головы непокорным стрельцам.

О статусе Преображенского приказа в общей системе управления особенно интересно читать, проецируя его на советские времена. Такую

возможность нам предоставляет работа Н.Б. Голиковой: «Передача в ведомство Преображенского приказа исключительного права суда по политическим преступлениям сразу поставила его выше других приказов... Преображенский приказ получил огромные права и полномочия, позволявшие ему отдавать распоряжения всем центральным и местным учреждениям независимо от их подчиненности в тех случаях, когда дело касалось политических преступлений. Исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям дало Преображенскому приказу право по доносу подвергнуть аресту любое лицо независимо от его социального и служебного положения» 7). Уезжая в Европу, Петр поручил «править Москву» не кому-нибудь, а главе приказа Ф. Ромодановскому. Ну разве не напоминает это статус КГБ с его всеилием и проникновением во все сферы жизни?!

Взглянем теперь на политические представления Петра.

Основу этих представлений составляло прямо-таки фараонское самомнение и самосознание, выделявшее его даже на фоне российских самодержавно-деспотических традиций. В результате своего воспитания Петр «остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности... в Петре выростал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек»8). Правда, в некоторых случаях Ключевский пишет, что Петр в отличие от своих предшественников относился к своей деятельности как к службе, а цель государства якобы видел не в династическом интересе, а в народном благе. Однако действия Петра находились в вопиющем противоречии с этой целью: «Радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости. Петр был честный и искренний человек, строгий и взыскательный к себе, справедливый и доброжелательный к другим; но по направлению своей деятельности он больше привык обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался, как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на

что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца. Главные черты поведения Петра определяли «два вредных политических предрассудка - вера в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения. Он не останавливался ни перед чьим правом, ни перед какой народной жертвой... Он не считался ни с правосознанием народа, ни с народной психологией... Вводя все насильственно, даже общественную самодеятельность вызывая принуждением, он строил правомерный порядок на общем беспорядке» 9).

Нам, однако, представляется, что Ключевский несколько преувеличивает конфликт Петра с психологией и правосознанием народа. Определяющие стереотипы народной психологии - сознание своего рабства и всемогущества власти, ее права на любой произвол - Петр не только не разрушал, но и всячески использовал в своих начинаниях. Что же касается якобы «правомерного порядка» созданной при Петре системы управления государством, то данное замечание Ключевского, возможно, объясняется тактическими или какими-то иными соображениями, ибо его же собственный анализ буквально вопиет о чудовищном беззаконии и произволе на всех уровнях власти; к тому же и сами управляющие структуры были совершенно нестабильными, их возникновение и исчезновение целиком зависели от капризных изгибов ума властителя. Где же тут хотя бы один элемент правового порядка?

Таким образом, по своим определяющим параметрам - по ценностям и целям деятельности - политические представления Петра вполне укладываются в традиции московских властителей и российских царей. Поэтому всерьез говорить о «новаторстве» Петра можно лишь в плоскости нескольких иных форм и средств, словом, приемов достижения все тех же самовластных политических целей. А этого рода новизна во многом определялась просто эксцентричностью характера Петра и типом его нервной системы, его энергией и решительностью - качествами действительно необычными в череде флегматичных, безынициативных, изнеженных хозяев московского, а затем петербургского престолов.

Новаторство Петра в формах управления государством проявилось, в частности, в том, что он первым на Руси понял, какие возможности повышения эффективности управления кроются в бюрократической организации аппарата. Петр верил в преобразовательную силу бюрократической формы правления и, как всегда, энергично стремился воплотить свою веру в жизнь. Так, в 1718-1720 гг. была проведена очень серьезная реформа структуры государственного управления. Взамен прежних приказов с их неупорядоченной компетенцией и хаотической организацией работы были учреждены по передовым шведским образцам девять отраслевых коллегий. Начиная с губернской реформы 1708 г. и в течение десяти лет предпринимались серьезные усилия по рационализации управления территориями. Даже Ключевский отмечает: «Такого двойного контроля и вместе с тем такого заботливого проведения коллегиального начала в высших и низших учреждениях рядом с попыткой разделить ведомство судебное от административного мы не встречаем даже в существующих учреждениях» 10). Однако и это само по себе вполне прогрессивное дело с самого начала подверглось существенному искажению. Как известно, бюрократический порядок решения вопросов представляет собой безличную, регламентированную и процедурно, и по существу форму рассмотрения дел, т. е. антитезу произволу, личному усмотрению должностных лиц. Произвол же, как было сказано выше, продолжал цвести пышным цветом. Поэтому попытка бюрократизации управления привела лишь к его «канцеляризации», т. е. обюрокративанию в негативном смысле слова. Эффективность управления, правда, на первых порах несколько повысилась, но смысл его бюрократической перестройки так и не был усвоен ни чиновничьим, ни обывательским сознанием. В итоге она, не решив своей главной задачи, создала побочный негативный эффект, ибо «государство, загораживаемое канцелярией, отдалялось от народа, как что-то особое, ему чуждое» 11), и в целом машина продолжала катиться пусть несколько иными путями, но к тем же целевым ориентирам. В связи с этим нелишним будет уточнить цели петровской государственной политики.

Давно уже превратилось в общее место утверждение, что-де главным делом, главной заботой Петра было проведение широких преобразований во всех основных сферах жизни русского общества. Совокупность этих преобразований получила общее наименование «реформы Петра Великого». Оставим пока вопрос о правомерности подобного утверждения и наименования. Примем их за допущение и посмотрим, как оценивает Ключевский цели этой реформы: «Реформа ... не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка... не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными» 12). А как мы знаем, подобная целевая ориентация отнюдь не была чем-то новым и лишь продолжала политическую линию, сложившуюся еще в предыдущие царствования. В петровских нововведениях стержнем остается все то же традиционное московское «тяжелое, угнетательное отношение к людям, все те же деспотические установки, не только не обнаружившие тенденции к какому-либо ослаблению, но, напротив, получившие еще более законченное, крайнее выражение.

Новым было лишь повышение уровня требований к подвластному народу. Теперь от него требовалось не просто беспрекословное подчинение всем приказам, но еще и активное, инициативное их выполнение. Петр «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно» 13). И в этом Петр действительно опередил свое время, ибо у его преемников не хватало ни энергии, ни ума добиваться от подданных, чтобы они вели себя как «инициативные рабы». Возродилось это требование только в XX в., уже на базе значительно усовершенствованной, поставленной на «индустриальную» основу технологии манипулирования людьми.

Таким образом, **подлинной целью петровской политики было отнюдь не разрушение старого порядка, а его укрепление, придание**

ему большей жизнеспособности посредством повышения его функциональной эффективности.

Внутренним средством для достижения этой цели была рационализация механизма выжимания «народных соков» (именно на это были направлены все внутривластные преобразования Петра), внешним - Запад.

Вопрос об отношении Петра к Западу приобрел в нашем обыденном сознании героико-романтическую окраску, в основе которой лежит образ гениального царя, который своими мозолистыми руками самолично «прорубил окно» в Европу и тем самым приобщил нас к цивилизации. При этом почему-то забывают, что Петр обратился к Западу отнюдь не за цивилизацией. Задача его была гораздо более узкой и прагматичной - в срочном порядке освоить достижения западной технологии, прежде всего в области военного дела и кораблестроения, чтобы тут же обратить эти достижения как на реализацию указанной выше внутривластной цели (т. е., по существу, против своего народа), так и против того же Запада, с которым Петр воевал и боролся почти всю свою жизнь. «Он искал на Западе техники, а не цивилизации»¹⁴). Не случайно направлявшиеся им вояжеры и экспедиции получали совершенно определенные наставления, смысл которых сводился к тому, что следует «украсть науку у Западной Европы, все лучшее вызнать, все полезное перенять или переманить к себе... Это была настоящая воровская экспедиция (рекогносцировка) за западной наукой»¹⁵).

Петр отнюдь не был западником, стремившимся цивилизовать Россию, переделать ее на европейский манер. Весьма знаменательны будто бы сказанные им и записанные Остерманом слова: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»¹⁶). Он прекрасно понимал, что усвоение русским народом подлинных основ европейской культуры способно поставить предел державному самовластию, которое было краеугольным камнем его политических идеалов и воззрений. Итак, сближение с Европой было в глазах Петра лишь временным неизбежным средством и само по себе не только не представляло ценности, но и таило опасность.

Следовательно, и в своем отношении к Западу Петр не отошел от линии, сложившейся при его предшественниках. Он лишь достиг значительно больших успехов в ее реализации.

Далее, принято считать, что петровские преобразования совершались по какому-то единому, однажды созревшему у царя в голове плану и его деятельность на протяжении жизни и в различных сферах имела, таким образом, вид более или менее единой стратегической линии. Однако конкретный анализ действий Петра не дает оснований для такого вывода. Это хорошо видно из множества его беспорядочных шагов из стороны в сторону, которые чаще всего представляли импульсивные реакции на те или иные события, обстоятельства и в которых лишь при очень большом желании можно усмотреть какую-то единую внутреннюю логику (конечно, кроме перманентного стремления к укреплению и расширению собственной власти). С годами беспорядочность действий власти ничуть не уменьшалась, а их внутренняя непоследовательность, пожалуй, даже возрастала. Так, уже в 1716 г., когда по меньшей мере две трети царствования были позади и, казалось бы, план реформ (если бы таковой существовал) должен был уже отстояться и служить непосредственным руководством к действию, один из ближайших сотрудников царя, генерал-адмирал Апраксин, писал кабинет-секретарю (т.е. управляющему делами) Макарову: «Истинно во всех делах точно слепые бродим и не знаем, что делать; во всем пошли великие расстрои и куда прибегнуть и что впредь делать, не знаем; денег не возят ниоткуда; все дела, почитай, останавливаются» 17). Похоже ли это растерянное бормотание человека, в высшей степени сведущего в подлинном положении дел, на речь помощника реформатора в разгар реформенных преобразований? Так что так называемый план петровских преобразований, очевидно, еще одна историческая реконструкция, возникшая много времени спустя после смерти Петра, исправно служащая апологетико-пропагандистским и дидактическим целям, но не прояснению исторической истины.

Но Петр, даже при всей его энергии и самовластии, привычке влезать в детали конкретных дел (часто с ущербом для более крупных задач), не мог действовать в одиночку. В своих акциях он опирался на небольшое

число особо доверенных людей и в более широком плане — на определенную социальную базу. Петр задавал тон, определял общую направленность и дух мероприятий, а их конкретную «физиономию» формировали исполнители. Поэтому на мероприятиях лежит печать не только характера Петра, но также и облика его сподвижников. Что же представляли собой эти «птенцы гнезда Петрова»?

Следует сказать, что «харизма», которой окружен в общественном сознании образ Петра, весьма мало распространяется на его сотрудников. Даже авторы, находящиеся под воздействием ореола сильной личности Петра, находят немного добрых слов для характеристики его окружения. В нем отсутствовали люди, подобные Ртищеву, Ордину-Нащокину, В. Голицыну, т. е. деятели, обладавшие гражданскими чувствами, развитым представлением о долге перед отечеством, определенным уровнем культуры и деловой квалификации. Петра окружали своекорыстные дельцы и некомпетентные в делах интриганы, видевшие в государевой службе лишь средство для удовлетворения собственного честолюбия и страсти к наживе, а в реформенных мероприятиях — удобные дополнительные возможности для «ловли рыбки в мутной воде». То что в окружении царя отсутствовали люди с высокими нравственными качествами, очевидно, следует рассматривать не как случайность, а тоже как характеристику его личности. Приспособиться к «преобразователю», пользоваться его расположением, видимо, могли только беспринципные карьеристы и стяжатели. Именно такой тип людей закономерно оказывается у власти в системоцентристских структурах. Иные люди могут проходить скорее по разряду исключений, «белых ворон». Таким образом, даже те позитивные моменты, которые были в петровских начинаниях, искажались при их воплощении в жизнь.

Чтобы не быть голословным, приведу некоторые характеристики Ключевского. «Ближайшие к Петру люди были не деятелями реформы, а его личные дворовые слуги. Он порой колотил их, порой готов был видеть в них сотрудников, чтобы тем ослабить в себе чувство скуки своим самодержавным одиночеством. Князь Меньшиков... отважный мастер брать, красть и подчас лгать, не умевший очистить себя даже от

репутации фальшивого монетчика; граф Толстой... умная голова, умевшая все обладать, всякое дело выворотить лицом на изнанку и изнанкой на лицо; граф Апраксин, сват Петра, самый сухопутный генерал-адмирал, ничего не смысливший в делах и не знакомый с первыми началами мореходства, но радушнейший хлебосол... цепной слуга преобразователя, однако затаенный противник его преобразований и смертельный ненавистник иноземцев; барон, а потом граф Остерман... великий дипломат с лакейскими ухватками... робкая и предательская каверзная душа; неистовый Ягужинский, всегда буйный и зачастую навеселе, лезший с дерзостями и кулаками на первого встречного, годившийся в первые трагики странствующей драматической труппы и угодивший в первые генерал-прокуроры Сената» 18). А вот что писал о соратниках царя поры его молодости И. Фокеродт: князь Ф.Ю. Ромодановский «собой видом как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян во вся дни»; И.И. Бутурлин - «человек злорадный и пьяный и мздоимливый» 19). «Никакого важного дела нельзя было сделать, не дав им взятки... Это были истые дети воспитавшего их фискально-полицейского государства с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства» 20).

Так выглядели «сподвижники» Петра, наиболее влиятельные люди России, в его эпоху. Могли ли они вкупе со своим хозяином принести стране благо? Видимо, даже самая мысль об этом была чуждой для их умов, ориентированных на совсем иные ценности.

Классовая опора Петра - дворянское сословие - также было весьма мало пригодно для предназначенной ему роли проводника реформ. Оно было поголовно неграмотным и отличалось от других слоев общества лишь своей хоть какой-то пригодностью к воинской службе, которую, впрочем, тоже исполняло далеко не лучшим образом. «Это сословие очень мало было подготовлено проводить какое-либо культурное влияние. ... В умственном и нравственном развитии дворянство не стояло выше остальной народной массы и в большинстве не отставало от нее в несочувствии к еретическому Западу. Военное ремесло не развило в дворянстве ни воинственного духа, ни ратного искусства. Свои и чужие

наблюдатели описывают сословие как боевую силу самыми жалкими чертами» 21).

Таким образом, «рычаги», через которые Петр осуществлял свою политику, не только не смягчали ее антигуманные черты, но, напротив, усиливали их, порождая дополнительные негативные факторы. Оставим в стороне вопрос о степени ответственности Петра за характер своего окружения и перейдем к обзору форм и способов его действий в различных областях государственной политики.

Исходя из общей направленности работы, взглянем прежде всего на то, как Петр относился к «человеческому материалу». Впрочем, уделять этой теме много места нет необходимости в силу ее прозрачности для любого, хоть сколько-нибудь знакомого с российской историей и действительностью. Людей на Руси всегда жалели не больше, чем, скажем, в фараоновском Египте, — это общеизвестно. Поэтому число жертв деятельности того или иного правителя лишь в малой степени определяется его личными качествами, оно зависит главным образом от размаха проводившихся им мероприятий. Больше размах — больше жертв. Процент же человеческих «отходов» был более или менее постоянен. И в этом отношении Петру не следовало бы предъявлять из ряда вон выходящие претензии, ибо в данном отношении он был обычным властителем земли Русской. А то, что он вогнал в землю больше людей, чем другие, есть функция не какого-то его особого безразличия к людям (в этом он мало отличался и от предшественников, и от преемников), а просто масштаба его действий.

Больше всего известно о страшной людской цене, которую заплатил русский народ за постройку новой столицы — своего рода пирамиды Петра. «Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте. Петр называл новую столицу своим «парадизом», но она стала великим кладбищем для народа» 22). Самое поразительное, что и в наш просвещенный век находится немало людей, оправдывающих создание этого монументального кладбища на невских берегах важностью и даже «престижностью» стройки. Более того, практический подход к организации великих строек, таких, как Беломорканал, Волго-

Дон, другие «великие стройки коммунизма» и особенно способы «комплектования кадров» строителей за два с половиной столетия, прошедших с тех пор, мало изменились в нашем отечестве.

Меньше знают о костях, положенных в фундамент других, не столь эпохальных, а зачастую даже не доведенных до конца строек. Так, сотнями тысяч исчисляли число рабочих, погибших при постройке таганрогского порта. Вскоре после завершения строительства порт был разрушен в соответствии с условиями мирного договора, заключенного Петром с Османской империей. Просто царь передумал и, махнув рукой на Черное море, стал ломиться в Европу через северо-запад и выстилать трупами берега уже балтийских гаваней. А сколько жизней унесло рытье каналов, строительство дорог, рудников и т. д., не говоря уже о военных потерях!

Представить масштабы человеческой цены, которую заплатила Россия за петровскую политику, можно хотя бы по данным переписи 1710 г., которая показала, что за 30 лет убыль тяглого населения составила почти четверть! (П. Милюков, автор вышедшей в 1892 г. книги «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», скостил эту цифру до 1/5.) А ведь 1710 год - только середина петровского царствования. Во второй его половине население продолжало убывать столь же быстрыми темпами.

Как всякий жестокий деспот, Петр боялся своего народа панически. В 1705 г. в Астрахани вспыхнул бунт, спровоцированный издевательствами над населением при принудительном введении бородобрития и немецкого платья. Размах и цели бунта с самого начала были крайне ограниченными, не представлявшими опасности для государства. Однако «великий» так перепугался, что бросил на его подавление войска, снятые с западной границы в разгар войны со шведами, а также приказал вывезти из Москвы и закопать казну, хотя угрозы Москве не было и в помине.

Зато когда опасность миновала и дело дошло до расправы, Петр вовсю отыгрался за свой испуг. Деятельность Шереметева в захваченной им Астрахани напоминает худшие времена красного террора на Украине²³). О том, что царь не брезговал лично поработать топором

палача, мы уже упоминали. О многом говорит и название одного правительственного учреждения - Расправная палата. Любая форма протеста против державной воли обрекала человека на уничтожение.

Машина политической полиции работала безостановочно и с одинаковым ожесточением, независимо от того, касалось ли дело мобилизации на военную службу, подлинных либо мнимых заговоров или же искоренения бород и долгополой одежды. Решив вмешаться в парикмахерские и портняжные дела, власть не изменила своему обыкновению, продолжая и в этой сугубо частной сфере действовать все той же полицейской дубиной.

На преследование своих подданных по мотивам, которые хоть как-то можно было связать с политикой, средств в казне всегда хватало, тем более что был создан специальный механизм, по своему характеру наполовину полицейский, наполовину финансовый, в задачу которого входила борьба с сокрытием доходов и другими всевозможными финансовыми злоупотреблениями. Имеется в виду созданный в 1711 г. институт фискалов, которые могли доносить на любое лицо, включая самых высокопоставленных, и в случае подтверждения доноса получали половину штрафа с уличенного, а в случае его ложности не несли никакой ответственности. Тем самым донос превратился в безопасный, поставленный на государственную основу вид ремесла, заработка. Излишне говорить, сколь благоприятные возможности для произвола и вымогательства открыла подобная мера.

Закон устанавливал весьма существенное (материальное стимулирование не только для штатных, но и для добровольных доносчиков 24). Подобная система нравственного растления народа посредством поощрения его ко всеобщему доносительству (имевшая прообраз и в более древнем законодательстве), увы, хорошо укоренилась на нашей почве. Ее апогеем стали 30-е годы нынешнего столетия, когда она легла в основу очень многих головокружительных карьер.

В своем народе Петр видел лишь аморфную массу, которая в силу ее тягучей инертности сопротивляется преобразующей ее руке, но ни собственной волей, ни самостоятельной ценностью не обладает. Он

считал, что управлять человеком следует путем воздействия на его физиологическую основу и инстинкт самосохранения. На языке современной социальной психологии это можно обозначить как манипуляции на уровне человеческих потребностей низших рангов.

Впрочем, в некоторых случаях, особенно когда дело касалось денег, Петр иногда замечал и более высокие уровни потребностей своих подданных. Замечал их, естественно, для того только, чтобы извлечь из них дополнительную выгоду. Так, он использовал устойчивые психологические стереотипы, связанные с потребностью человека в самоуважении, как источник поступления в казну дополнительных доходов. Я имею в виду, в частности, бородовой налог, эксплуатировавший то обстоятельство, что с бородой и усами древнерусский человек связывал представление об образе и подобии Божиим. Для лиц, готовых оплачивать свое стремление соответствовать этим идеалам, обычно столь непреклонный Петр охотно сделал исключение и Указом от 1705 г. установил целую тарифную сетку, предусматривавшую оплату права на ношение всех возможных разновидностей бород. Более того, он согласен был терпеть даже старообрядческую раскольничью веру, лишь бы она оплачивалась двойной податью. По своему смыслу указанные поборы представляют не что иное, как налог на свободу совести. Следовательно, Петр догадывался, что его подданные чем-то все же отличаются от тяглого скота. Догадывался, но, как правило, не обращал внимания на такие «тонкости». (Не представляю, согласно какой логике подобные факты можно совместить с рассуждениями о том, что Петряде заботился о благе народном!)

В целом налоговая политика Ерадетеля за народное благое весьма явственно показывает его отношение к своим подданным. «Прибыльщики», т. е. люди, специально занятые придумыванием различных налогов, пользовались таким же расположением Петра, как и доносчики и фискалы. Как известно, размеры налогообложения и виды взимаемых налогов возросли при Петре до неслыханных ранее масштабов. Царь и созданный им аппарат «устроили генеральную облаву на обывателя: особенно на мелкого

промышленника, мастерового и рабочего. В погоне за казенной прибылью они доходили до виртуозности, до потери здравого смысла»²⁵). Вся эта политика имела целью лишь сегодняшнюю, сиюминутную выгоду и наносила огромный ущерб перспективам развития хозяйства страны, в том числе и налогооблаженной способности населения. (Кстати, вот еще одно доказательство мифического характера приписываемой Петру заботы о долговременной перспективе развития России.) «В своей финансовой политике Петр походил на возницу, который изо всей мочи гонит свою исхудалую лошадь, в то же время все крепче натягивая возжи»²⁶).

В сборе налогов Петр действовал с обычной своей жестокостью. Особенно характерен метод, введенный им в последние годы правления, когда функцию выколачивания налогов из населения он возложил на расквартированные по различным губерниям армейские части. Лишенная связей с местным населением (а может быть, и подогреваемая рудиментами сохранившейся с удельных времен неприязни к жителям других областей), армия действовала подобно завоевателям на чужой территории. «Полковые команды, руководившие сбором подати, были разорительнее самой подати. Она собиралась по третям года, и каждая экспедиция длилась два месяца: шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержащихся при этом на счет обывателей, среди взысканий и экзекуций. Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоеванной России татарские баскаки времен Батыя... Едва полки стали размещаться по вечным квартирам, начала обнаруживаться огромная убыль в ревизских душах от усиления смертности и побегов... Создать победоносную полтавскую армию и под конец превратить ее в 126 разнузданных полицейских команд, разбросанных по 10 губерниям среди запуганного населения, - во всем этом не узнаешь преобразователя»²⁷). Впрочем, с последней ремаркой Ключевского я не могу согласиться: в свете нашего анализа оба названных действия представляются звеньями одной логической цепи. Кстати, подобная практика использования армии в дальнейшем вошла в обыкновение. Вспомним хотя бы о роли воинских частей НКВД во время коллективизации.

И к тому же эти драконовские меры оказались неэффективными. Причин тому три: сокращение числа налогоплательщиков; подрыв платежеспособности, а также возможности и заинтересованности в повышении своего благосостояния у остальной массы плательщиков; поглощение (как законное, так и путем хищений) налоговым аппаратом большей части собранных сумм (по некоторым данным, до 70%).

На что же расходовались собранные с таким трудом средства? В середине петровского царствования две трети бюджета составляли военные расходы. Огромных денег стоили также возведение среди северных топей новой столицы, попытка создать единую систему внутренних водных путей сообщения и другие «великие стройки», чаще всего химерические. Страна жила явно не по средствам. Доходы далеко не покрывали расходов. Годовой дефицит бюджета составлял около 20%, несмотря на всю изощренность «прибыльщиков» и свирепства налоговых сборщиков. Недоимки накапливались, и периодически правительству приходилось их списывать, ибо брать было просто физически нечего. Власть, правда, полагала, что всецелие царского указа распространяется и на финансовую сферу. Ключевский пишет с убийственной и столь хорошо понятной нам иронией: «На государственный кредит у нас тогда уже смотрели патриотически-смелым взглядом современных финансистов. Посошков, например, вполне уверен, что в России, не как в иных государствах, курс денег зависит единственно от воли государя, который только прикажет копейке быть гривной, и она станет гривной» 28). Рынок, впрочем, не разделял этой уверенности: реальная покупательная способность копейки за время петровского царствования сократилась почти вдвое. Такую цену платила Россия за возвышение военно-политического престижа своего государства, а вернее сказать, своего императора на европейской сцене. Но, может быть, на фоне всех этих несуразностей особенно ярко выделяются успехи, достигнутые Петром в промышленной сфере, в развитии отечественной индустрии? Ведь он оставил после себя ни много ни мало 233 фабрики и завода. Увы, и здесь деспотические приемы управления извратили суть дела и обрекли его на уродливое развитие по ложному пути, поскольку, освоив кое-как европейские

технологические знания и идеи, Петр начисто отбросил моральные и психологические основания, легшие в основу Промышленной революции на Западе, - дух свободного предпринимательства, охрану прав индивида, неприкосновенность частной собственности. Торгово-промышленные люди - «единственный класс русского общества, в котором еще светился политический смысл, пробивались гражданское чувство, понимание общего блага» 29), - угнетались непомерными налогами, страдали от недобросовестной конкуренции со стороны дворянства и монастырей, связывались по рукам и ногам чрезмерной правительственной опекой и регламентацией.

Вещь, которая по самому смыслу, самой сути должна быть оплотом индивидуальной свободы, превратилась в свою противоположность - обычное бюрократическое мероприятие. И совершенно закономерно, что при таких условиях «русская предприимчивость не оправдала ожиданий преобразователя: приходилось указами предписывать капиталистам строить фабрики, составлять компании, назначать компанейщиков и их товарищей... В своих фабриках и компаниях Петр соединил принудительность предприятия с монопольностью производства. Такое казенно-парниковое воспитание промышленности неизбежно вело к правительственному вмешательству, а мелочная регламентация и придирчивый надзор при непривычке к делу отпугивали охотников. Была и еще одна помеха успехам промышленности, это запуганность держателей капиталов. При общем бесправии внизу и произволе наверху робкие люди не пускали в ход своих сбережений» 30).

И еще одна особенность «первой русской индустриализации», которая в корне противоречила западной идеологии промышленного развития, но оказалась вполне в духе русских культурных традиций и послужила прообразом для организационных форм «второй индустриализации», уже в советское время. Речь идет о внеэкономическом принуждении, о широком использовании в промышленности принудительного труда, причем не только труда «приписных» крестьян. Подобно «великим стройкам» сталинских пятилеток, строительство каналов и дорог, фабрики, горнорудные предприятия «получают значение нравственно-исправительных учреждений» 31). Целым рядом указов Петр

предписывал направлять «виновных» для исправления на различные строительные и промышленные «объекты». Так что было бы несправедливым отдавать большевикам приоритет в изобретении исправительно-трудовых лагерей. Сия плодотворная идея была опробована и запатентована (очевидно, к удовольствию патриотического сознания) на русской же почве, но на два с лишним века раньше.

В своих взаимоотношениях с правительством Петр также действовал как заурядный восточный деспот, а отнюдь не как просвещенный правитель европейского толка. С членами созданного взамен Боярской думы Правительствующего сената он обращался не как с политическими деятелями, а как с обычными приказчиками. Царь объявлял Сенату выговор, налагал штрафы на отдельных сенаторов наравне с канцеляристами, охотно пользовался методом физической расправы, колотя провинившихся сановников дубинкой в своей мастерской. Более того, к высшему правительствующему учреждению приставили «дядьку» с дисциплинарными полномочиями.

Законодательная деятельность Петра тоже никак не сопрягается с уже сложившимся тогда в Европе пониманием права как конструкции, призванной очертить, с одной стороны, охраняемые притязания, а с другой - взаимные обязательства и ограничения поведения различных субъектов, в том числе и органов государства. Петр никогда не сомневался, что закон должен действовать только в одном направлении - сверху вниз, что он служит лишь для регламентации поведения нижестоящих и, следовательно, никак и ничем не связывает власть, в любой момент может быть отменен и изменен по государеву произволу. К тому же он полностью пренебрегал уже давным-давно разработанными на Западе правилами законодательной техники, и потому его указы - это нагромождение разномасштабных и разноплановых установлений, одни из которых зачастую противоречат другим, а все вместе составляют хаотическую массу, не обладающую никакой внутренней системой и логикой, кроме логики неограниченного деспотизма. «При чересчур обильном законодательстве полное отсутствие закона» 32).

Отношение Петра к своим подданным как к бесправным и безгласным рабам отчетливо проступает и в его культуртрегерской деятельности. Формы, в которых осуществлялась их подгонка под внешние европейские стандарты (насильственное обрезание полы одежды и бороды, палочное вколачивание знаний и т. п.), многократно описывались в литературе, и, хотя все это само по себе достаточно красноречиво говорит о личности их вдохновителя, все же некоторые петровские апологеты пытаются защищать их на основе печально известной иезуитской формулы «цель оправдывает средства». Не будем вступать сейчас с ними в серьезную полемику, поскольку исторический приговор данной идейной платформе уже вынесен. Обратим внимание на другое - на психологические мотивы, которыми руководствовался Петр в своем стремлении искоренить внешние атрибуты старины.

Дело в том, что все крупные антипетровские выступления (а их было несколько) происходили под лозунгами верности заветам святой старины и противодействия еретическому влиянию Запада. Эти противники Петра в борьбе за власть использовали некоторые наружные особенности, отличавшие древнерусского человека от европейца, в качестве символа своих убеждений. Поэтому в сознании Петра борода и старомодный покрой одежды прочно соединились с оппозиционным политическим настроением и даже с мятежом. А как он реагировал на любую форму оппозиции, мы знаем. Таким образом, психологической доминантой борьбы за новый внешний облик была отнюдь не тяга к приобретению атрибутов западной культуры как таковых, а стремление к уничтожению политических противников во всех их видах, к искоренению любых проявлений какого-либо инакомыслия. (В известной мере аналогом этой борьбы могут послужить вспышки страстей с явной политической подоплекой, периодически разгоравшихся в советское время вокруг таких, казалось бы, политически нейтральных вещей, как галстук, ширина брюк, длина пальто, тип прически и т. п. В несколько иной плоскости протекала «борьба» вокруг допустимой длины юбок, во время которой было сломано немало морализаторских копий.)

В своих попытках принудительного народного образования Петр также не достиг особых успехов. О положении дел в этой сфере и о тех

психологических стереотипах, которые с двух сторон блокировали возможности достижения существенного прогресса, выше уже говорилось. Добавим лишь два момента, непосредственно связанных с образом действий самого Петра. Во-первых, его подход к обучению с теми же приемами, какими он проводил рекрутские наборы и муштровал новобранцев 33), лишь усиливал антипатию к знанию и сопротивление насильно навязываемому обучению. Во-вторых, массовая отправка для обучения за границу совершенно неподготовленных к этому дворян также давала мало плодов, ибо у абсолютного большинства из них не было ни установки на образование, ни элементарных навыков обучения, ни малейшего понимания того, чему именно им нужно учиться. «Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами, смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общежития, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своем уме от непривычных впечатлений никаких помыслов» 34). В результате «по возвращении домой с этих проводников культуры легко свеивались иноземные обычаи и научные впечатления, как налет дорожной пыли, и домой привозилась удивлявшая иностранцев смесь заграничных пороков с дурными родными привычками» 35).

Но все же определенный положительный эффект достигался. Правда, по счастью, он был совсем иным, нежели рассчитывал Петр. Дворяне замечали, что общественный порядок в государстве, оказывается, может поддерживаться и без самодержавного произвола, полицейского страха и принудительной идеологии. «Люди, живущие по своей воле и не пожирающие друг друга, вельможи, не смеющие никого обидеть, самодержец, не могущий ничего взять со своих подданных без определения парламента, дети, успешно обучающиеся без побоев, - все это были невозможные нелепости для тогдашнего московского ума» 36).

Однако следует помнить, что **из продолжавшегося целый век осмысления этих «нелепостей» в результате возникла возможность для перехода общества на альтернативный путь развития.**

Можно еще долго обсуждать различные аспекты и последствия «преобразовательной горячки» Петра, которая положила начало

традиции неудачных правительственных попыток реформирования нашей общественной жизни. Но это увело бы нас в сторону от решения основной задачи главы - проследить генезис русского культурного генотипа. Поэтому перейдем к оценкам деятельности царя, делая при этом акцент на ее нравственные последствия.

А.Л. Янов, к работе которого мы уже обращались и который главное внимание уделяет социально-политической стороне явлений, крайне негативно оценивает роль Петра на русской исторической сцене. В его трехзвенной конструкции исторических циклов петровское царствование является «звездным часом автократии», т. е. низшей точкой, на которую опускается время от времени страна на исторических качелях. Он пишет, что Петр увел Россию от магистральных путей «политичности» на проселки татарской автократии, т. е. произвел отнюдь не вестернизацию, а «татаризацию» Руси. При этом он принес стране гораздо больше зла, чем Грозный, ибо в отличие от неудачника Ивана IV Петр I был победителем и поэтому сумел воплотить в жизнь свои губительные для общества замыслы.

Солидаризируясь с основной направленностью данной оценки, укажем все-таки на ее некоторую одномерность, которая задана, быть может, самой концептуальной схемой, положенной автором в основу анализа исторического процесса. Но попробуем оценить деятельность Петра с точки зрения наших собственных критериев.

В свете изложенных выше факторов, а также соображений общего порядка наша интегральная оценка сводится к тому, **что в образе Петра мы имеем дело с ярким типом псевдомодернизатора**, который смог оседлать складывавшиеся в течение XVII в. тенденции русского общества к социальной модернизации, уничтожил в них зачатки духа свободомыслия и поставил их на службу традиционным политическим целям. В отношении целей он отличался от своих предшественников лишь имперской широтой размаха, но отнюдь не направленностью. В отношении же средств достижения этих целей он в отличие от предшественников сумел использовать новые внутренние ресурсы,

эксплуатируя наряду с прочим общественную потребность в обновлении.

Конкретные результаты его деятельности, не говоря уж об их формах, как мы видели, не дают особых оснований для преклонения перед его личностью. Дело даже не только в чудовищных затратах народных сил и в том, что избранные средства достижения политических целей выглядят патологически жестокими даже по тем временам. Историческая ответственность Петра видится в том, что он заглушил ростки подлинного обновления, **подменил движение к действительным изменениям на уровне культурного генотипа видимостью изменений лишь на уровне внешней оболочки.** Тем самым он **усугубил положение, воспрепятствовав перспективе «впадения» российской струи в общий европейский поток развития, пробивавший вто время для себя персоноцентристское русло.**

Петровская политика была новой лишь по своим внешним формам, а по сути вполне соответствовала глубинным системоцентристским установкам национального сознания, что легло в основу жестокого парадокса, в силу которого Петр - законченный деспот и разоритель земли - был канонизирован и превращен в объект почти религиозного поклонения. Для русских уже тогда было не внове преклоняться перед грубой силой истязавшей их длани и окружать тиранов ореолом. Безжалостная палка в сочетании с парой примитивных, но произносимых безапелляционным тоном лозунгов всегда были достаточными аргументами для убеждения в справедливости происходящего. Перешедшая в потребность привычка преклоняться перед сильной властью - вот главный источник возникновения харизматических лидеров на русской почве. Качествами же сильного властителя Петр обладал в избытке. Таким образом представляются нам истоки исключительной популярности Петра и создания мифов вокруг его фигуры.

Посмотрим теперь, как выглядит деятельность Петра с точки зрения динамики наблюдаемых изменений по социально-этической и социально-психологической осям.

В социально-этическом плане можно констатировать, что в границах традиционалистской морали происходило перераспределение относительного влияния двух ее разновидностей: **сокращалась сфера общинной морали, и за счет нее расширялась сфера морали имперской**. Иными словами, интенсифицировалось разложение патриархальной системы вертикальных межличностных отношений в обществе, усилился процесс их «оказенивания». Власть отделилась от народа. Между ними стала быстро нарастать прослойка бюрократов (конечно, бюрократов на российский манер, т. е. таких функционеров правительственной машины, произвол которых ограничивался только по отношению к вышестоящим). Место немногочисленной группы подьячих заняло бурно развивающееся чиновничество, которое Дашкова квалифицировала как «самое мерзкое сословие в государстве» 37). Но все это, повторяю, происходило внутри одного и того же традиционалистского типа морали.

В социально-психологическом плане изменения шли в том же направлении. Заметно ослабли патерналистские элементы в отношениях власти и подчинения, т. е. поблек образ «царя-батюшки» и его заменил образ всеильного «хозяина». Другими словами, произошло укрепление рабских стереотипов сознания. И это доминирование рабской психологии позволило сравнительно легко преодолеть разрушение некоторых других стереотипов. Нельзя отрицать, что Петр, при всем традиционализме своих политических целей, железной рукой долбил некоторые глубоко укоренившиеся в национальном сознании стереотипы, в первую очередь связанные с латинобоязнью. Это было рискованным делом. Но оказалось, что стереотип беспрекословного подчинения сильнее всех прочих. Раз «хозяину» так угодно, значит следует повиноваться, пусть не внутренне, но внешне. На людях будем одними, дома - другими. Так стала развиваться не новая, но ранее все же не слишком распространенная на Руси «добродетель» - лицемерие. Появление двойной морали было не каким-то изолированным явлением, а частью общего процесса упадка нравов, наблюдавшегося в петровское царствование.

Таким образом, в результате деятельности Петра многие традиционные пороки нашего национального характера не только не смягчились, но и усугубились. Кроме того, наряду с ними появились новые пороки. Воспроизводившиеся из поколения в поколение системы отношений, нравственных ценностей и моральных сдержек не были сломлены, но оказались дискредитированными действиями властей. В то же время новых эффективных систем социальных регуляторов не появилось, и в результате образовался некий **нравственный вакуум**, моральная вседозволенность. Одним из симптомов этого явилось небывалое распространение в петровской Руси разбоя, когда «разбойничьи шайки, предводимые беглыми солдатами, соединялись в благоустроенные и хорошо вооруженные конные отряды и нападали Епорядком регулярные, уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врывались в города» 38), т. е. полностью парализовывали нормальную жизнь и терроризировали страну. В социально-политическом плане данную ситуацию можно описать как порочную спираль нарастающего беззакония и произвола верхов и бандитизма низов при увеличении жестокости с обеих сторон. Своего апогея ситуация достигла в период пугачевщины. (Нечто подобное, только в еще больших масштабах и соединенное с политическими лозунгами, мы увидим снова спустя двести лет после Петра.)

Итак, и реальная деятельность Петра, и миф о «великом преобразователе» легли новыми, хорошо пригнанными блоками в пирамиду традиционного российского культурного генотипа. На этом можно закончить наш анализ социально-исторического смысла событий петровской эпохи.

* * *

В XVIII в. для нас представляют интерес еще две страницы русской истории. Одна из них - это попытка двух аристократических кланов - родов Голицыных и Долгоруких - ограничить самодержавие и создать в

России некое подобие конституционной монархии. Напомним основную канву событий. В январе 1730 г. внезапно умер 15-летний император Петр II. С ним пресеклась мужская линия дома Романовых. Власть оказывается в руках Верховного тайного совета, который решает призвать на престол племянницу Петра I - Анну Иоанновну, но при этом существенно ограничить ее власть в свою пользу. К Анне в Митаву направляются посланцы с документом, содержащим перечень (весьма обширный) ограничений. Анна подписывает эти «кондиции» и направляется в Москву. Между тем в Москве начинается брожение. Все ощущают неопределенность ситуации и важность момента. Прежде всего весьма смущает умы сама идея ограничения государственной власти. Но, помимо этого, никого не устраивает и способ ее ограничения. Шестеро из восьми членов Верховного тайного совета - представители двух старинных боярских родов, Голицыных и Долгоруких, и в возбужденных умах появляется призрак произвола нескольких тиранов вместо одного. Члены аристократических фамилий, не представленные в данный момент в Совете, чувствовали себя несправедливо обойденными. Дворянство же вообще не видит в этой затее никакой для себя выгоды. Тогда лидер верховников - Д.М. Голицын - меняет тактику и предлагает дворянам представить собственные проекты государственного устройства. Но тем самым он, по сути дела, привлекает внимание к тому обстоятельству, что вопрос-то еще окончательно не решен. Дворяне подают ряд предложений, верховники со своей стороны обсуждают принципы будущего конституционного устройства, в которых они несколько идут навстречу интересам дворянства и купечества, пытаясь купить их увеличением сословных льгот, а также созданием видимости представительных учреждений - Шляхетской палаты и Палаты городских представителей. Однако законодательная власть должна остаться монополией Верховного тайного совета. Этот план лишь усугубляет страсти. Все энергичнее действует партия, стоящая за сохранение ничем не ограниченного самодержавия.

Тем временем Анна при подъезде к Москве заручается поддержкой гвардии и, вступая на престол в окружении офицеров, демонстративно

разрывает «кондиции». Верховники видят, что их попытка добиться участия во власти терпит полный крах, но, опасаясь гвардейской расправы, остаются безмолвными свидетелями собственного поражения. Иллюзия ограниченной монархии, в течение десяти дней витавшая над Москвой, рушится. Наступает один из самых мрачных периодов самодержавного «людодержавства».

События 1730 г. привлекали внимание многих ученых и получали при этом весьма различное освещение и оценку. В дореволюционной официальной истории они описывались как «заговор верховников», имевший целью подорвать основы монархического устройства, и, естественно, оценивались как предотвращенная провидением и народом беда. Парадоксально, но данная оценка разделялась и советскими историками, которые, как правило, фетишизировали сильную власть, а любые попытки ее ограничения (в категорию таких попыток, конечно, не входят народные бунты, никогда не ставившие перед собой подобных, да и вообще каких-либо осмысленных политических целей) рассматривали как реакционные.

Но есть оценки и совсем другого рода, в которых эти события рассматриваются как драматичное столкновение сил самовластия с силами демократического направления, а крушение последних — как историческая трагедия, на века предопределившая развитие событий по зловещему пути. Так, один из ведущих веховцев П.Б. Струве писал в 1918 г.: «Владимир Ильич Ленин»Ульянов мог окончательно разрушить великую державу Российскую и возвести на месте ее развалин кроваво-призрачную Совдепию потому, что в 1730 г. отпрыск династии Романовых, племянница Петра Великого, герцогиня курляндская Анна Иоанновна победила князя Дмитрия Михайловича Голицына с его товарищами-верховниками и добивавшееся вольностей, но боявшееся «сильных персон» шляхетство и тем самым окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов перед независимой от них верховной властью. Своим основным содержанием и характером события 1730 г. имели для политических судеб России роковой предопределяющий характер» (39). Далее развивается мысль о подкупе властью привилегированного

класса за его отказ от участия в политической жизни: «.. самодержавие, отказав культурному классу во властном участии в государстве, вновь привязало к себе этот класс цепями материальных интересов, тем самым отучая его от политических стремлений и средств и приучая к защите своих интересов, помимо постановки и решения *политического вопроса*» 40). А.Л. Янов, с горечью замечаящий в данной связи, что «в русской истории слуги реакции всегда оказывались гибче и проницательней слуг прогресса», расценивает поражение верховников как крах возможности возникновения аристократической республики, т. е., с его точки зрения, единственно реального пути прогрессивного развития.

Не вступая в данном случае в полемику с конструкцией Струве в целом, выскажем, однако, свое несогласие со стремлением придать событиям 1730 г. столь исключительный смысл, сделать их едва ли не кульминационным эпизодом всей русской политической истории. Нам кажется, что противопоставление в данной конкретной ситуации двух исторических альтернатив, «сил прогресса и реакции», в значительной мере искусственно.

Дело в том, что ни одна из заявивших о себе в тот момент группировок ни в чем не вышла за пределы своих узких групповых, эгоистических интересов, не смогла подняться над конъюнктурой борьбы за «место у пирога», посмотреть на ситуацию с более широких позиций. О самой Анне и входившей в состав гвардии части дворянства и говорить нечего. Но и верховники - «слуги прогресса», - за исключением, может быть, князя Голицына, не только были далеки от размышлений о пользе отечества, от каких-либо гражданских чувств, но и показали себя лишенными не то что сословной, но даже элементарной групповой и клановой солидарности. Их поступками двигал исключительно личный своекорыстный интерес, без оглядки на возможных союзников. Несколько особняком в этом смысле стоит лишь последний вариант голицынского конституционного плана, который, впрочем, тоже лишь по форме выглядит как некоторая политическая уступка дворянству, а по сути представляет попытку его подкупа в обмен на

отказ от участия в политической власти, о чем применительно к тактике самодержавия говорил П.Б. Струве.

Темная масса дворянства, следуя вековым традициям, пуще всего боялась каких-либо перемен и предпочитала привычную, почти родную тиранию одного лица возможной олигархической тирании. Однако обстоятельства сложились для него на редкость благоприятно. Оппозиционная верховникам часть высшей аристократии создала ситуацию, при которой Голицын был вынужден буквально просить дворян высказаться по вопросу об их собственном идеале общественного устройства. Имеются в виду так называемые шляхетские проекты, подготовленные по призыву Верховного тайного совета. И что же? Все эти документы, за исключением проекта Татищева, имеют один пафос — установление максимально возможных льгот для самих дворян, т. е. для составителей проектов. Словом, все думали только о том, «как бы себе полегчить», не очень веря, впрочем, в осуществимость такой возможности. Не случайно, когда Анна, опершись на гвардейцев, неожиданно возвысила голос, вся оппозиция мгновенно стушеввалась 41) По ходу событий никто из действующих лиц не поднялся выше соображений ближайшей и очевидной выгоды, хотя бы до скольконибудь широкого и устремленного в перспективу понимания собственных сословных интересов. Мысль о том, что для достижения политических целей, для обеспечения своих политических прав следует чем-то поступиться, но зато ценой жертвы, компромисса заручиться поддержкой других слоев общества, оказалась недоступной для умов тогдашнего цвета русской нации. Никто не изъявил готовности принести на алтарь общего согласия хотя бы копейку из своих доходов или мельчайшую из своих привилегий. «Не нашлось ни одного дворянина, который проронил бы слово не об освобождении крепостных - до того ли было, - а хотя бы о законном определении господских поборов и повинностей» 42).

Особенно тягостное впечатление производит этот узколобый, недалёковидный эгоизм, когда сравниваешь его с политическим мышлением, скажем, английских привилегированных классов, издавна понимавших необходимость идти на самоограничение для сохранения политической власти. «Любопытно видеть, как английское дворянство,

движимое собственным честолюбием, умело, когда находило это нужным, близко смешиваться с низшими классами и притворяться, что считает их равными себе» 43). «Английская аристократия ... чтобы господствовать политически, готова была на всякие жертвы» 44).

В частности, А. Токвиль рассматривает подобную стратегию английской аристократии на примере налоговой политики, что для нас представляет еще и дополнительный интерес в плане сопоставления английского и российского подходов к этим вопросам: «Несколько столетий уже у англичан не существует других податных неравенств, кроме тех, которые последовательно были установлены в пользу недостаточных классов» 45). Как нетрудно заметить, подход этот прямо противоположен тому, что можно наблюдать в России.

Более того, А. Токвиль считает, что отклонение от древнего принципа, когда платят налог лишь только те слои населения, которые участвовали в решении вопроса о его установлении, может послужить исходным звеном в цепи негативных факторов, ведущих данное общество к дезинтеграции и гибели. Анализируя истоки тех причин, которые в конце концов привели Францию к революции, в главе со знаменательным заглавием «Каким образом уничтожение политической свободы и разобщение классов породили почти все общественные недуги, разрушившие Старый порядок», Токвиль пишет: «Я решаюсь утверждать, что в тот день, когда нация... дозволила королям ввести общий налог без ее участия и когда дворянство имело низость допустить обложение третьего сословия, лишь бы самому остаться свободным от налога, - в тот день было посеяно семя почти всех пороков и злоупотреблений, подтачивавших Старый порядок во все остальное время его жизни и наконец вызвавших его насильственную смерть» 46). Между тем английские бароны уже в XIII в. осознали и зафиксировали в Великой Хартии принцип учета и баланса интересов всех сословий.

Но закончим очередной экскурс в мир, увы, чуждого нам типа политической культуры и вернемся на родную почву. В свете изложенного представляется, что оценка «конституционного эпизода», пришедшегося на конец зимы 1730 г., как едва ли не кульминационного пункта российской истории является явным преувеличением, а попытки

обнаружить у его участников какие-либо демократические устремления - исторической идеализацией, которая порождена монистическим в своей основе стремлением найти одну-единственную первопричину для всего сущего, один-единственный гордиев узел всей истории. События развивались по неоднократно и ранее встречавшимся образцам борьбы узких группировок за распределение власти и привилегий, в пределах прежней системы социально-этических представлений, и исход их тем самым был предрешен. Поэтому поставим «заговор верховников» во все удлиняющийся по ходу нашего путешествия вниз по течению русской истории ряд упущенных шансов, неиспользованных возможностей перебраться через периодически понижающийся гребень водораздела между двумя культурными генотипами.

* * *

Родился и жил я, подобно всем русским дворянам, в звании привилегированного холопа в стране холопства всеобщего.

Князь П. В. Долгоруков

Вторая представляющая для нас существенный интерес страница связана с царствованием Екатерины II. Не будем подвергать его столь же подробному рассмотрению, как царствование Петра, поскольку в данном случае нет нужды заниматься опровержением всевозможных исторических мифов. Последующие поколения воздали Екатерине по заслугам. Они сняли окружавший ее при жизни и отчасти возрожденный ее внуком - Александром I - флер идеализации (а в особо усердных верноподданных устах - и почти обожествления) личности императрицы. Достоинства и недостатки екатерининской деятельности, ее сильные и слабые стороны обсуждались в научной, публицистической и художественной литературе достаточно широко, подробно и сравнительно непредвзято. Если отбросить повышенный интерес к альковным подробностям жизни Екатерины, то можно, пожалуй, считать, что на суде истории ей повезло - она получила не столь часто выпадающее на долю персон ее ранга беспристрастное

разбирательство. Ее деяния оприходованы, оценены и соответствующим образом структурированы в нашем историческом сознании. Казалось бы, особых проблем нет.

Однако пройти мимо ее эпохи означало бы для нас упустить немаловажный фрагмент в генезисе российского общественного сознания. Дело в том, что **Екатерина предприняла весьма серьезную и не имевшую ранее прецедента попытку изменить русский культурный стереотип.** Попытка эта знаменательна еще и тем, что она представляет наиболее масштабный для своего века эксперимент по внедрению социальной теории (как потом выяснилось, к несчастью, утопической) в практику государственной жизни целого народа. В основе эксперимента лежали прекраснодушные идеи гуманистов и просветителей о предрасположенности к добру естественной природы человека, о всемогуществе разума, который в союзе с просвещением легко должен взять верх над злом в любых его проявлениях. Екатерина же усугубила их заблуждение, вообразив, что Россия в силу ее отсталости, культурной «невозделанности» является наиболее благоприятной почвой для посева семян новых, прогрессивных идей. То обстоятельство, что личные мотивы и устремления Екатерины были в этом эксперименте не бескорыстными, не имеет для нас особого значения. Важны сама картина опыта и факт его неудачи, ибо они очень поучительны для тех, кто пытается постичь внутреннюю логику русской (да, пожалуй, и не только русской) истории.

Екатерина застала в России общество, в котором неограниченная, фактически не стесненная никакими правовыми нормами власть каждого вышестоящего над каждым нижестоящим была основой государственной структуры, а само государство, по выражению Ключевского, «превратилось в какой-то заговор против народа»⁴⁷). «Государство, замкнувшееся во дворце со случайными и быстро менявшимися хозяевами; сбродный по составу, родовитый или высокочинный правящий класс, но сам совершенно бесправный и ежеминутно тасуемый; придворная интрига, гвардейское выступление и полицейский сыск - все содержание политической жизни страны»⁴⁸).

И это общество Екатерина решила реорганизовать согласно новейшим рецептам тогдашней политической науки. Правда, она сделала из них два существенных изъятия: во-первых, практически игнорировала теорию разделения властей и, во-вторых, поместила свою особу не внутрь создаваемой схемы правления, а над ней, т. е. исключила себя из-под юрисдикции правового порядка. Объясняла она это (своим западным корреспондентам) тем, что, несмотря на свою «отменно республиканскую душу», она видит, что в России возможно достичь чего-либо только при помощи самодержавной власти. Иными словами, она предполагала насаждать справедливый порядок сверху, монаршим соизволением (позиция в общем типичная для века просвещенного абсолютизма).

С этой целью она решила созвать Комиссию по выработке нового законодательства для Империи - Уложения, а чтобы придать работе Комиссии соответствующее направление, составила для нее «Наказ». Над этим документом она самолично работала ни много ни мало два года. Появление столь обширного произведения, написанного рукой августейшей особы, в тот век было случаем довольно редким, а для России - и вообще небывалым.

Но подлинная беспрецедентность «Наказа» для России заключается в намерении его автора положить в основу будущего законодательства новейшие достижения западной государственно-правовой мысли, т. е. «усовершенствовать управление на научной основе». «Наказ» на три четверти представляет собой компиляцию, основные источники которой - «О духе законов» Монтескье, «О преступлениях и наказаниях» Беккариа и Французская энциклопедия, т. е. самые передовые и свежие по тому времени работы. Не будем углубляться в подробности этого довольно обширного документа, состоявшего в окончательном варианте из 20 глав и 655 статей, а отметим лишь его основной пафос. Он состоит, на наш взгляд, во-первых, в провозглашении законности в самом современном смысле слова основой всего общественного устройства; во-вторых, в постановке вопроса об обязанностях власти перед народом, о том, что государство существует для народа, а не наоборот.

На тогдашнее русское общество такие в общем-то уже не новые для Европы мысли, будучи произнесены монаршими устами, из которых это общество до сих пор слышало совсем другие речи, произвели столь сильное впечатление, что оно впало в состояние сентиментальной слезливости. «Плакали при встречах императрицы, при чтении ее манифестов и «Наказа», плакали за парадными обедами в ее присутствии, плакали от радости при мысли, что бироновское прошлое уже не вернется; никогда, кажется, не было пролито в России столько радостных политических слез, как в первые годы царствования Екатерины II» 49). Впервые власть заговорила с людьми, испокон веку пребывавшими в холопском унижении и бесправии, как с гражданами, как со свободным, способным самому творить свою жизнь народом. Она пригласила их сотрудничать в деле совершенствования общественных отношений.

Чем же, кроме слезливого умиления, ответили сословия на это приглашение?

Первым из стоявших на пути Екатерины препятствий было традиционное «закоренелое равнодушие и недоверие, с каким население привыкло встречать правительственный призыв к общественному содействию, зная по опыту, что ничего из этого, кроме новых тягостей и бестолковых распоряжений, не выйдет» 50). Это препятствие, вопреки обыкновению, в значительной мере удалось преодолеть за счет возбуждения, которое породило в обществе беспрецедентное по форме и по сути обращение царицы. Но следующие барьеры оказались посложнее.

Прежде всего, сам «Наказ» был подвергнут предварительной дворянской цензуре. Екатерина дала нескольким дворянским депутатам его первоначальную редакцию, позволив им «чернить и вымарать все, что они хотели». И депутаты вымарали около половины текста. Главную атаку эти своеобразные цензоры, волею судеб попавшие на роль защитников сословных интересов, повели против главы, посвященной крепостному состоянию. Из нее было вычеркнуто 20 статей, говоривших о мерах против злоупотребления господской властью, о способах освобождения крепостных. Таким образом, уже на самом первом этапе народ, ошарашенный обещанием свободы,

счастья и справедливого порядка, принял меры к тому, чтобы выхолостить предложенную ему программу либеральных преобразований. В самом деле, зачем нужна такая свобода, при которой есть угроза лишиться рабов?!

Далее, выборы депутатов в состав Комиссии были восприняты общественным сознанием не как определение непосредственных участников решения общего дела, а как случай направить к подножью престола ходяков с челобитиями по конкретным частным вопросам, с ходатайствами о нуждах своего «мира». В результате депутаты чувствовали себя обязанными в первую очередь добиваться выполнения данных им конкретных поручений, а уж потом думать о более общих вопросах. (Кстати, подобное патриархальное отношение к народному представителю лишь как к «своему человеку» наверху продолжает жить и по сей день.)

Следующим моментом, отнюдь не способствовавшим плодотворной работе Комиссии, было распиравшее депутатов и постоянно искавшее выхода чувство раболепства перед верховной властью. После первых же заседаний депутаты в порыве подхалимского усердия обратились к царице с просьбой принять титул «Великой, Премудрой, Матери отечества». И Екатерина, вначале выразив некоторую досаду - «Я им велела сделать Российской империи законы, а они делают апологии моим качествам», - в конце концов не устояла перед этим напором холуйского активизма. (Боже, как знакомы эти стереотипы политического поведения нам, живущим почти на четверть тысячелетия позднее!)

Но самая главная причина провала Комиссии, крушения связанных с ней планов Екатерины состоит в том, что «лучшие представители нации» оказались явно не на уровне поставленной перед ними задачи. Депутаты показали себя абсолютно неспособными мыслить категориями общественного блага. Единственным содержанием их выступлений была забота о расширении и укреплении сословных выгод и привилегий за счет интересов других сословий. Особенно отличался в этом отношении «цвет нации» - дворянство. Как известно, за 5 лет до созыва Комиссии - манифестом 1762 г. - оно было освобождено от обязательной государственной службы, и тем самым утратило силу единственное

моральное оправдание крепостного права. Однако дворяне не только не проявили готовности хоть как-то ограничить свое право распоряжаться крестьянами и плодами их трудов, но, напротив, обнаружили немалую изобретательность в обосновании его справедливости, пользы для государства и даже целесообразности его расширения.

Порой сословный эгоизм прикрывался изощренной фразеологией. Князь Щербатов, например, выступил с целой теорией, в которой он обосновывал общественную пользу крепостного права высшими государственными соображениями, а именно тем, что оно-де служит для дворян - сословия, призванного к управлению обществом, - школой управления, а деревни с крепостными - чем-то вроде учебных полигонов, подготавливающих их для последующей деятельности уже в масштабах страны. Тем самым помещик из землевладельца превращался в душевладельца и полицейского управителя крестьянами. Щербатов отважился даже на некое подобие консервативной критики либеральных устремлений власти. Он выступил за строгое разделение сословий, т. е. за «апартеид» в пределах одной нации, и тем самым вошел в прямую полемику с лежавшими в основе «Наказа» просветительскими идеалами равенства и братства всех людей. Депутат Нарышкин довел щербатовскую позицию до логического конца, заявив, что «достоинство дворянское считается у нас чем-то священным, отличающим одного человека от прочих: оно дает ему и его потомкам право владеть себе подобным» 51). В целом же дворянство смотрело на крепостное право «не как на правовой вопрос, а как на добычу» 52), которую следует не упустить, защитить от других претендентов и максимально использовать в своих интересах.

Так отреагировало на прямое предложение заняться справедливым переустройством общества самое образованное и, казалось бы, наиболее подготовленное к такой постановке вопроса сословие, почитавшее себя «солью земли Русской».

О других же сословиях нечего и говорить: они выступали в Комиссии с позиций откровенно групповых нужд и конкретных просьб. Пожалуй, в данной связи заслуживает быть отмеченным лишь одно, впрочем весьма характерное, обстоятельство: значительная часть притязаний отдельных

сословий и групп на расширение их привилегий связывалась с желанием каждого «урвать от пирога» крепостного права - «требовали расширения крепостного права классы, его не имевшие, например купцы, казаки, даже духовные, к их стыду» 53). Вспомним, что это всеобщее рабовладельческое вождение проявилось в ответ на недвусмысленно выраженный властью призыв ко всеобщему освобождению от произвола, и нам станут ясны причины провала либеральных екатерининских начинаний, а заодно отчасти и причины удручающего бесплодия многих других, более поздних попыток «зажечь факел свободы» на российской земле. Ибо чтобы факел горел, нужен кислород общественной поддержки, а его в нашей системоцентристской атмосфере всегда было слишком мало.

Екатерина довольно скоро поняла, что рассуждения западноевропейских публицистов имеют мало общего с русской реальностью и, «увидев, с кем дело имеем», резко сократила свои преобразовательные планы. Хуже того, она решила, что пышные либеральные титулы (особенно ласкавшие ее тщеславие, когда исходили от французских властителей дум) вполне можно заслужить и не пускаясь в рискованные реформаторские предприятия. Среда постепенно развратила ее, и с годами она все больше стала прибегать к приемам традиционного российского самовластия. Попытка сделать из своекорыстных холопов свободных и чувствующих свою ответственность перед обществом граждан потерпела фиаско. Более того, Екатерина пошла навстречу некоторым полицейско-рабовладельческим устремлениям дворян (как-никак именно дворяне возвели ее на престол и были основной ее опорой), и в итоге столь обещающе начавшееся царствование привело к тому, что подавляющая часть населения страны - крестьяне - оказалась в условиях еще большей несвободы. Нам же остается повторить печальный рефрен об очередном упущенном (а вернее, отвергнутом) шансе.

Между тем общество весьма быстрыми темпами продолжало приобретать европейский внешний лоск. За 37 лет, которые отделяют смерть Петра I от воцарения Екатерины II, в поведении верхнего слоя русской социальной пирамиды произошел весьма любопытный

маятниковый сдвиг: от извечного отталкивания всего чужеземного оно шарахнулось к его неразборчивому и некритическому поглощению. Бедняга князь Хворостинин родился столетием раньше, чем следовало: в середине XVIII в. он был бы типовой, даже заурядной фигурой.

Поверхностным наблюдателям это явление казалось подлинным переломом в российских культурных стереотипах (независимо от того, как тот или иной автор называл его). Но такой глубокий исследователь, как Ключевский, понял, что **на данном этапе перемены произошли только в облике и внешнем умонастроении дворянства**. В своих же этических и психологических основаниях оно полностью осталось на традиционных системоцентристских позициях. Взглянем же на его нравы глазами нашего основного гида по этим векам русской истории.

«С тех пор, как дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя на досуге, оно стало стараться наполнить этот досуг, занять скучающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветками заимствованной культуры. Отсюда развился среди него усиленный спрос на изящные украшения жизни, на эстетические развлечения... Успех этих вкусов усилил потребность в образовании, к ним приноровленном» 54). В итоге такого воспитания и подхода к жизни уже во времена Елизаветы для великосветского кавалера «русское не существовало или существовало только как предмет насмешки и презрения» 55). При Екатерине воспитание дворян перестало ограничиваться приобретением великосветских манер и предметов европейского обихода, а дополнилось приобщением к французской литературе. Но это мало изменило в целом пока еще неконструктивный характер западного влияния, ибо, во-первых, поглощение литературы было крайне неразборчивым, а во-вторых, и лучшие ее образцы 56) оставались для русского дворянина абстракциями, которые в его сознании никак не соотносились с его домашним житейским опытом и потому ни в какой мере не могли помочь ему в выработке жизненных принципов.

Видимо, можно обозначить двоякий результат подобного неосмысленного напяливания на себя чужих культурных одежд. В одних случаях это было полное разрушение исходных нравственных устоев без выработки какой-либо им замены, возникновение своего рода нравственного вакуума, деструктивно или порой даже трагически влиявшего на судьбу индивида. Горький парадокс состоит в том, что последнего рода ситуации чаще возникали при наиболее искреннем стремлении приобщиться к западной культуре, усвоить ее на более глубоком уровне.

Ключевский так рисует образ представителя дворянского Спотерянного поколения: «С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, - все было чуждое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела... живые, насущные интересы не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими, и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели [как] на случайно родившегося в России француза. Так он стал в положение межеумка, исторической ненужности...» 57).

В других, надо полагать, более распространенных случаях до столь разрушительных результатов дело не доходило, так как вступали в силу социально-психологические механизмы самозащиты. Насколько можно судить, чаще всего они действовали в направлении разделения, взаимной изоляции сферы отвлеченных умозрительных рассуждений и сферы житейской морали, сферы вербального и сферы реального поведения, а попросту салонных и обиходных нравов. «Отвлеченные идеи, общие места, громкие слова, украшавшие умы людей екатерининского времени, нисколько не действовали на чувства; под этими украшениями сохранилась удивительная черствость, отсутствие чутя к нравственным стремлениям» 58). Такой «вольнодумец» легко совмещает декламирование руссоистских пассажей на темы всеобщего

равенства с самым варварским жестоким обращением с собственными крепостными, возвышенные грезы « с прозой крепостных усадеб 59).

Беспросветная, казалось бы картина! Но внуки этих дворян вышли на Сенатскую площадь, предприняв первую в русской истории попытку борьбы не за групповые, не за кастовые, а за всеобщие интересы! И в том, что подобное событие стало возможным, видится нам историческая заслуга Екатерины II, внесшей немалый вклад в подготовку замещения традиционных русских ценностей в сознании мыслящей части общества.

* * *

Таким нам представляется, по исследуемым параметрам, исторический смысл русского XVIII столетия. **В течение этого периода расшатывалась традиционалистская ориентация на стабильность и повиновение как на высшие ценности и тем самым складывались исходные предпосылки для последующих изменений.** Иными словами, закладывались основы будущего прогресса.

Однако самих сил прогресса как сколько-нибудь заметной социальной величины ни в тот период, ни тем более раньше еще не существовало. И в этом, кстати, состоит наше основное несогласие с концепцией А.Л. Янова, который считает, что оппозиционная и потенциально прогрессивная контркультура существовала в русском обществе всегда. Носителем этой якобы извечной оппозиционной контркультуры Янов считает боярство, называя его русской аристократией. Но, как мы могли неоднократно убедиться, боярство постоянно обнаруживало свою полную неспособность мыслить не дворцовыми, а общественными категориями, хоть сколько-нибудь подняться над уровнем интересов отдельных узких кланов и клик, не говоря уже о полном отсутствии в его политическом сознании (впрочем, равно как и в политическом сознании всех прочих социальных слоев) хотя бы какого-то подобия чувства гражданского долга. Здесь уместно еще раз вспомнить отношение к данному вопросу А. Токвиля, с горечью констатировавшего, что во Франции никогда не было настоящей аристократии в английском смысле, т. е. слоя людей, сознающих свою ответственность за состояние

общества. Думается, что это еще в большей степени справедливо по отношению к русской псевдоаристократии - боярству.

Янов также не без гордости утверждает, что в России не переводилась идейная оппозиция власти, видя в этом важный признак политического здоровья, политической полноценности русской нации. Утверждение это представляется значительным преувеличением. Однако его опровержение потребовало бы пространного конкретно-исторического анализа, что отвлекло бы нас от нашей главной задачи. Поэтому, условно соглашаясь с ним, мы противопоставили ему другое обстоятельство, а именно **полное отсутствие в российской истории демократической политической практики**, без которой любые, самые передовые оппозиционные идеи оставались лишь отвлеченными, расплывчатыми картинками в сознании крайне незначительного числа лиц. А этого, согласитесь, недостаточно для поддержания, а тем более для приобретения нацией политического здоровья.

Ведь демократическая политическая практика - необходимая и довольно продолжительная школа, в которой на протяжении жизни нескольких поколений тот или иной народ усваивает навыки общежития, основанного на демократических принципах. Сущность этого процесса удобно изучать читая, например, «Историю Флоренции» Н. Маккьявелли. В ней особенно интересна внутривластная история города, которую можно рассматривать как родовые схватки, предшествовавшие появлению демократического общества современного образца. Народные волнения, мятежи, столкновения различных партий, формирование институтов власти, борьба за выдвижение в них своих кандидатов, выборы, попятные движения к олигархии и единовластию - все это продолжалось веками. В порой кровавом переплетении и борьбе множества интересов народ проходил подготовительный класс обучения демократическим нормам, медленно и мучительно дорастая до них. Подобные процессы, но в менее болезненных формах, происходили и в Нидерландах, где, как известно, впервые в новой европейской истории персонцентристская шкала ценностей возобладала в массовом сознании и дала всходы в самых различных областях общественной

жизни, в том числе и в сфере внутривластного устройства. Но наша история, к несчастью, отмечена совсем другими вешками.

В рассмотренный период наше общество в социально-этическом плане представляло сочетание двух разновидностей традиционалистской этики - общинной, которая продолжала господствовать среди крестьянской массы, и имперской, более характерной для привилегированной верхушки, но постепенно проникавшей и в другие слои населения. Несмотря на приобретение ряда внешних атрибутов западной культуры, те элементы сущности этой культуры, которые определяли ее индивидуалистическую ориентацию, как правило, не воспринимались сознанием тогдашнего русского общества. Индивидуализм как социально-этический тип практически отсутствовал в России вплоть до конца XVIII столетия, хотя как предвестники будущих изменений уже появились отдельные фигуры, исповедовавшие в той или иной мере и форме индивидуалистические ценности (Панин, Фонвизин, Радищев).

Косвенным, но весьма, на наш взгляд, важным подтверждением данного обстоятельства может послужить характер русской портретной живописи. В европейской культуре жанр портрета претерпевал значительные изменения по мере того, как системоцентристские установки постепенно размывались и замещались персонцентристскими ценностями. На протяжении веков переходили портретисты от почти полностью деиндивидуализированного обозначения на холсте социального статуса, социальной роли того или иного лица (король, рыцарь, Прекрасная дама) к изображению его индивидуальных черт, а затем к передаче его особого, в каждом случае уникального, внутреннего мира. Таким образом, портретный жанр отражал степень развития в общественном сознании представлений о человеческой индивидуальности. Русские же портретисты вплоть до последних десятилетий XVIII в. отнюдь не стремились выразить индивидуальность позировавшего им лица. Они воспринимали человека как носителя общих типологических черт, и в их изображениях доминировало не индивидуальное, а общее, социально-типическое. «В России к этому времени, в силу особенностей социально-исторического

развития, - писал советский искусствовед Дм. Сарабьянов, рассматривавший эту проблему, - человек не обрел еще собственного «Я» 60).

Во всех сферах жизнедеятельности русского общества господствовали системоцентристская шкала ценностей и соответствующая ей идеология.

Сноски к главе 3.

- 1 Воспоминания княгини Е.Р. Дашковой, писанныя ею самой. Третье издание. Лейпциг, б. Г. С.125.
- 2 Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1958. Т.4. С.18.
- 3 Там же. С.16.
- 4 Там же. С.46.
- 5 Там же. С.26.
- 6 Там же. С.39-40.
- 7 Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С.14-15.
- 8 Ключевский В. О. Указ. соч. Т.4. С.46.
- 9 Там же. С.47-48, 356-357.
- 10 Архив Ключевского. Тетрадь 1, л.3 об.
- 11 Ключевский В.О. Указ. соч. Т.4. С.139.
- 12 Там же. С.220.
- 13 Там же. С.221.
- 14 Там же. С.22.
- 15 Там же. С.372 - 373.
- 16 Там же. С.214.
- 17 Там же. С.217.
- 18 Там же. С.253.
- 19 Там же. С.19.
- 20 Там же. С.254.
- 21 Там же. С.72.
- 22 Там же. С.125.
- 23 См.: Голикова Н. Б. Указ. соч. С.243-287.
- 24 Ключевский В.О. Указ. соч. Т.4. С.167.
- 25 Там же. С.132.
- 26 Там же. С.145.
- 27 Там же. С.98-99.
- 28 Там же. С.135.
- 29 Там же. С.112.
- 30 Там же. С.118.
- 31 Там же. С.117.

- 32 Там же. С.302.
- 33 См.: Там же. С.78-80.
- 34 Там же. С.236.
- 35 Там же. С.237-238.
- 36 Там же. С.270.
- 37 Воспоминания княгини Е. Р. Дашковой. С.303.
- 38 Ключевский В. О. Указ. соч. Т.4. С.198.
- 39 Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Париж, 1967. С.292.
- 40 Там же. С.293.
- 41 Из новой литературы по «заговору верховников» см.: Гордин Я. Меж рабством и свободой // Дружба народов. 1992. N 10. С.5-70.
- 42 Ключевский В. О. Указ. соч. Т.4. С.284.
- 43 Токвиль А. Старый порядок и революция. Петроградъ, 1918. С.83.
- 44 Там же. С.84.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 Ключевский В. О. Указ. соч. М., 1958.Т.5. С.67.
- 48 Там же. Т.4. С.330.
- 49 Там же. Т.5. С.355.
- 50 Там же. С.87.
- 51 Там же. С.97.
- 52 Там же. С.101.
- 53 Там же. С.140.
- 54 Там же. С.163.
- 55 Там же С.169.
- 56 Западная литература, следует признать, переводилась при Екатерине весьма оперативно и в большом количестве. См., напр.: Ревуненкова Н.В. О переводах Энциклопедии на русский язык // История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. М., 1978. С.256-259.
- 57 Ключевский В. О. Указ. соч. Т.5. С.183.
- 58 Там же. С.176.
- 59 Впрочем, в психологии екатерининского вольтерьянца встречались и причудливые, порой патологические попытки соединения европейских

порядков с азиатскими обычаями. Пожалуй, наиболее диким примером подобного несуразного соединения антагонистических начал могут послужить юридические забавы пензенского помещика, а одно время владимирского губернатора, да к тому же еще и поэта Никиты Струйского: «Этот великий любитель муз был еще великий юрист по страсти и завел у себя в деревне юриспруденцию по всем правилам европейской юридической науки. Он сам судил своих мужиков, составлял обвинительные акты, сам произносил за них защитительные речи, но, что всего хуже, вся эта цивилизованная судебная процедура была соединена с древнерусским и варварским следственным средством - пыткой; подвалы в доме Струйского были наполнены орудиями пытки» (Там же. С.177).

60 Сарабьянов Дм. Перед зеркалом времени. Заметки о русском автопортрете // Знание и сила. 1977. № 7.